

## ДВЕ ГЕРМАНИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО\*

Александр Лавров

Андрей Белый принадлежал к числу тех русских писателей, для которых немецкая культура уже с самых ранних лет – наравне с культурой национальной – определяла сознание и творческие устремления. Более того: связанные с Германией духовные импульсы оказывались подчас более мощными и продуктивными, нежели воздействие русских писателей и философов. Шопенгауэр и Ницше в юности; Кант и неокантианцы в 1900-е гг., служившие Андрею Белому главной опорой в его тогдашних усилиях создать гносеологическую теорию символизма; Рудольф Штейнер в 1910-е гг. (и позднее), побудивший его ступить на стезю антропософского “тайноведения”, – эти важнейшие вехи занимают в духовной эволюции Андрея Белого не меньше места, чем Гоголь, Достоевский, Владимир Соловьев или Александр Блок.

В статье “Круговое движение (Сорок две арабески)”, написанной им уже в пору творческой зрелости, Андрей Белый указывал:

Три книги сопровождали меня: “Евангелие”, “Заратустра” и “Гоголь”. [...] Где бы я ни был, я изнываю от жажды, если нет со мной “Заратустры”, “Евангелия”, “Гоголя” (прежде со мной путешествовал Кант: книга оказалась неудобной при переездах). Путешествовать хорошо с переменчивым центром: мой непеременимый центр – “Заратустра”, “Гоголь”, “Евангелие”. Опыт каждого путешествия возношу я к дорогому *трехкнижию*.<sup>1</sup>

Упомянутое здесь Андреем Белым “дорогое трехкнижие” чрезвычайно точно обозначает то место, которое на протяжении ряда лет занимало

\* Основные положения этой статьи восходят к работе “Страна гениев (Германия глазами Андрея Белого)”, выполненной нами совместно с К. М. Азадовским и подготовленной к опубликованию на немецком языке.

<sup>1</sup> Труды и дни 1912. № 4/5, с. 57.

в его сознании творение Ницше. Наряду с христианством (в его религиозно-мистических традициях и ответвлениях), наряду с Гоголем, любимым русским писателем Андрея Белого, философская поэма о Заратустре являла собою как бы “третью составляющую” его духовного мира. Немецкие книги, немецкая музыка, немецкие философские построения сформировали в Белом, однако, лишь умозрительный, “заочный” образ Германии – который предварял непосредственное знакомство со страной и во многом формировал гамму впечатлений, вынесенных из этого знакомства.

Хотя первая поездка Андрея Белого за границу состоялась еще в 1896 г. (вместе с матерью он посетил тогда Германию, Францию и Швейцарию), однако его непосредственное и глубоко осмысленное свидание с германским миром состоялось, бесспорно, лишь осенью 1906 г., когда он провел несколько недель в Мюнхене. Впечатления от пребывания в баварской столице Белый изложил в своих позднейших мемуарных книгах,<sup>2</sup> а также в ряде очерков, появившихся в российской периодике во второй половине 1900-х гг.

Отъезд за границу явился тогда для Андрея Белого во многом вынужденной мерой. Мучительные переживания, вызванные его неразделенной любовью к Л. Д. Блок (жене поэта), неудавшиеся попытки соединить с нею свою жизнь, привели Белого в состояние крайнего нервного перенапряжения, граничившего с расстройством психики. Путешествие в Германию, казалось ему, давало возможность выйти из неразрешимой ситуации, бежать – хотя бы на время – от самого себя. И Белый воспользовался приглашением своего друга, художника В. В. Владимирова, учившегося тогда в мюнхенской Академии.

После многомесячных метаний в 1905-1906 гг. между Москвой и Петербургом баварская столица предстала Белому как подлинное воплощение уюта, спокойствия и отдохновения. С любовной внимательностью вглядывался Белый в этот город, пытаясь постичь его специфику и выявить в нем некое единство, гармонию в многообразии впечатлений.

Странно здесь сочеталась готика с романтикой *стиля модери*, взлетающей и там, и здесь то башенкой, врезанной в небо, то барельефом, то изображением рыцаря, попирающего дракона. Любят мюнхенцы украшать свой город колонками, арками, водометами: там быки, извергающие воду, там добродушный мраморный фавн неустанно плюет струями в мальчика, там в тихий бассейн сочатся по зелени ниспадающие капли. Здесь гармонично смешаны стили: есть здания, напоминающие храмы древней Греции, как,

---

<sup>2</sup> См.: Андрей Белый. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. Москва 1997, с. 243-244; Андрей Белый. Между двух революций. Москва 1990, с. 94-127.

например, здание, в котором поместился мюнхенский Сецессион, или как, например, вилла Штука. И обыденные для города постройки вовсе не нарушают своеобразно смешанный стиль общественных зданий. А как хороши старые уголки Мюнхена с узкими улицами, с фонарями, вделанными в стены, с высокими черепитчатыми кровлями, когда луна прорежет облако и обольет город бурным светом своим! [...] Патриархальная душа баварца легко уживается с художественной богемой всех стран, оглашающей улицы Мюнхена всплесками многих наречий.<sup>3</sup>

Радость от общения с городом усиливается художественными впечатлениями. Посетив Старую Пинакотеку, Белый открывает для себя Дюрера, Кранаха, Грюневальда; он знакомится с новейшими работами немецких сецессионистов, пытается уловить связь между историей и современностью, памятниками прошлого и повседневным баварским бытом, воспринятым опять-таки через призму собственных романтических фантазий.

...С уважением начинаешь относиться к тяжеловесному, грубому баварцу, создавшему из внешности города художественное произведение, а из внутренней жизни его – пульс культурной жизни всей Германии. Тяжеловесный баварец, в сущности, лесное колдовское существо. Быть может, в каждом здесь часть души Дюрера бессознательно таится. Дюрер – вот будущее Германии; и к этому будущему призывали нас и Беклин, и Швинд, и Клингер, и Штук, обнаружившие неизведанные дали в немецкой душе. Я уверен, что всякий немец – немного гений, когда он пьет пиво и курит трубку: только ему недостает слов, чтоб сказать о своей душе.<sup>4</sup>

В Мюнхене Андрей Белый стал завсегдатаем артистического кабака “Simplicissimus”, где виделся со многими знаменитостями – литераторами, артистами и художниками. В своем втором очерке, посвященном баварской столице (“Мюнхен вечером”), Белый уделяет этому знаменитому кафе особое внимание:

“Simplicissimus” – сборный пункт художественной богемы Мюнхена. Крошечный кабачок, а приди сюда весь Мюнхен, весь Мюнхен сумеет рассадить за двумя десятками столиков умная Cathy Cobus, сорокалетняя хозяйка с черными, хитрыми глазами, одновременно и строгими: усадит – и

---

<sup>3</sup> Цит. по: Андрей Белый. “Мюнхен” // Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2-х т. Москва 1994. Т. 2, с. 329-330. Очерк “Мюнхен” был впервые опубликован (под заглавием “Письмо из Мюнхена”) в московском символистском журнале “Золотое руно” (1906. № 11-12), а затем вошел в книгу статей Андрея Белого “Арабески” (Москва 1911).

<sup>4</sup> Там же, с. 334-335.

не будет тесно. [...] Ведекинд мрачно склонился над вином плотным своим силуэтом, обтянутым в синее, мрачно поводит совиными остановившимися глазами. Вы его приняли за провинциального актера, не правда ли? Я сам только впоследствии узнал в этом малозанимательном, бритом мужчине высокодаровитого драматурга. Там, в углу – вон компания поляков [...] вертлявый, взбалмошный Шолом Аш с розой в петлице. А дальше где-то в углу декламирует стихи, рядом с Шарфом,<sup>5</sup> берлинский поэт-юморист Мюзам, теребя рыжую бороду.<sup>6</sup>

Столь же колоритно живописует Белый кафе “Leopold”: разнообразные сценки досуга горожан с его неперменным “составляющим” – знаменитым мюнхенским пивом. Писателю видится здесь во всем, после российской сумятицы и собственных треволнений, – уравновешенность, гармония и благоустройство. “Тихий Мюнхен, – мечтательно пишет Белый, – веселый Мюнхен. И тихая, веселая ночь, расцвеченная луной и лепетом фонтанов. Как приятно забыться, уйти в эту легкую жизнь и хотя бы с месяц уснуть здесь от тревог. Вы становитесь спокойней; вам кажется – вы поглупели; но почему ваша работа здесь и легка, и плодотворна? Днем работа. Ночью – букет из кафе. Что ни кафе, то цветок; здесь аромат резеды, там орхидея, тут деревенский лютик. Вы начинаете понимать мюнхенскую богему в ее странствованиях; они веселятся, но они учатся тоже. А мы – как мало мы веселимся и как мало мы учимся”.<sup>7</sup>

Быт баварской столицы, ее история, ее художественные памятники предстают Белому, неизменно воспринимавшему познанные им жизненные реалии в иерархическом ряду символических соответствий (т. е. как знаки и предзнаменования – проявления высших метафизических начал), образом всей германской – и шире, всей западноевропейской – культуры. Мюнхен оказывается средоточием неких благих обетований; в нем открывается писателю целостный лик “германской души” и он патетически завершает свои городские зарисовки в “Письме из Мюнхена”:

Нет, как туман не разлетится Мюнхен, не разобьется живая струя пылью легкой и водометной! Верю в Мюнхен: верю, что сквозь легкое веселье, сквозь сияющие акварельные краски забрежжат странные здесь дали. Глубина здесь живет, и когда поверишь в глубину германской души, по-новому улыбнется небо, по-новому блеснут глаза неизвестных прохожих,

<sup>5</sup> Небезызвестный поэт (примеч. Белого). Имеется в виду Людвиг Шарф (1864-?) – поэт, публицист, искусствовед.

<sup>6</sup> Киевские вести 1908. № 1908. № 165, 22 июня, с. 3. В дальнейшем этот очерк не перепечатывался.

<sup>7</sup> Там же.

еще слаще вскипят водомерные струи, и глубокой музыкой пропоет душе Мюнхен, озарится далями жизни и света.<sup>8</sup>

Таким воплотился первый образ Германии во внутреннем мире Белого-туриста. Переживания, отразившиеся в его мюнхенских “письмах русского путешественника”, резко контрастируют с теми впечатлениями от Германии, которые вынес писатель пятнадцать лет спустя, в период своего двухлетнего пребывания в Берлине (ноябрь 1921 – октябрь 1923) – так называемом “русском Берлине”, ставшем тогда на непродолжительное время своего рода столицей для беженцев из России.

Эмигрантский статус Андрея Белого, впрочем, был достаточно своеобразен, и в его собственном самоощущении пребывание в Германии получало различные трактовки, претерпевало колебания и неясности: какое-то время эмигрантское положение представлялось для него необратимым,<sup>9</sup> хотя Белый постоянно мыслил себя представителем и выразителем культуры современной России. По своей литературно-общественной позиции в кругах “русского Берлина” он занимал промежуточное положение между убежденными и последовательными антибольшевиками, с одной стороны, и “сменовеховцами” (воспринятыми им резко отрицательно) и просоветскими кругами, с другой. При этом проживание Белого в Берлине не было прямым следствием эмиграции по политическим мотивам: не в силу того, что у него бесконфликтно складывались отношения с большевистской Россией, а прежде всего потому, что в его социальном мировидении и в личностной психологии практически отсутствовала политическая составляющая; революционные катаклизмы он воспринимал главным образом в аспекте мифотворческой историософии. Как и в 1906 г., основным стимулом для нового приезда Белого в Германию послужили личные мотивы – на этот раз попытка восстановить отношения с женой, А. Тургенева (оставшейся за границей после возвращения Белого в 1916 г. из Швейцарии в Россию); попытка, приведшая к окончательному разрыву отношений и глубоко травмировавшая душу писателя. Тяжелый внутренний кризис оборачивался у Белого в Берлине публичными эксцессами, описания которых можно найти в воспоминаниях современников: неумеренными возлияниями, нелепыми танцами в берлин-

---

<sup>8</sup> Андрей Белый. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 2, с. 335.

<sup>9</sup> Так, 17 ноября 1922 г. Белый писал Н. О. Щупак, что для него в Россию “путь отрезан” (Sapir B. An unknown correspondent of Andrey Bely (Andrey Bely in Berlin 1921-1923) // Slavonic and East European Review 1971. Vol. 49. № 116, p. 451).

ских кафе, истерическими и сумбурными исповедями. Если Мюнхен в 1906 г. оказался для Белого своего рода оазисом, местом отдохновения, то Берлин в 1921-1922 г. обернулся для него сценой, на которой он с артистическим самозабвением разыгрывал драму внутреннего разлада и саморазрушения. Душевные терзания, впрочем, не слишком препятствовали активной писательской и издательской деятельности Белого в 1921-1923 гг., его участию в русских клубах и организациях (берлинское отделение “Вольной Философской Ассоциации”, “Дома Искусств” и др.).<sup>10</sup> Многообразные занятия и личные общения, в водовороте которых Белый оказался в Берлине, вступали, однако, в противоречие с растущим в нем чувством отчуждения от этого города и нежеланием оставаться в Германии. “Увы, понял ненужность теперешних выступлений в Берлине, – пишет он в одной из статей (декабрь 1922 г.). – Работа культурная здесь представляется в данных условиях вряд ли возможной мне [...] здесь, в Берлине, я чувствую часто чужим себя, непонятным, ненужным...”.<sup>11</sup> В октябре 1923 г. Белый возвращается в Советскую Россию.

Негативное восприятие Андреем Белым германской столицы и ее обитателей нашло свое наиболее яркое выражение в его книге “Одна из обителей царства теней”, над которой он начал работать сразу же после возвращения из Германии. Послевоенный Берлин символизирует для него в этой книге современную цивилизацию, которая противостоит подлинной культуре, превращая жизнь человека в прозрачное, механическое, отчужденное от духовных импульсов существование; Берлин выступает опять-таки как антипод Мюнхена, представшего Белому в 1906 г. воплощением органической и цельной жизни, обусловленной всем ходом духовного развития Германии, наглядным символом подлинной европейской культуры. Встреча с Берлином переживается им как глубочайший душевный кризис, вызванный прежде всего крахом культуры в некогда любимой стране, являвшей собой квинтэссенцию высших творческих свершений человечества. При этом образ современного Берлина непомерно расширяется в сознании Белого, теряя свои реальные черты и становясь воистину хаотическим “царством теней” – подобием фантастического призрачного города (что был десятилетием ранее измышлен писателем и художественно оформлен в романе “Петербург”):

<sup>10</sup> О пребывании Белого в Берлине в 1921-1923 гг. см. подробнее: Thomas Bayer. Andrej Belyj. The Berlin Years 1921-1923 // Zeitschrift für Slavische Philologie 1990. Band L. Heft 1. S. 90-142.

<sup>11</sup> Андрей Белый. О “России” в России и о “России” в Берлине // Беседа 1923. № 3, с. 213.

...возникает Берлин серо-бурым, с коричнево-серыми и зловещими полутенями атмосферы, его обволакивающей [...]

шлепают под ногами такие же бурые, мокрые от дождя тротуары; и справа и слева уходят в томительно бурые ряды зданий [...]

все дома достаточно монументальны, роскошны, величественны; но все роскоши и величия этих домов интерферируются в поле зрения в одну серую, буросерую, нудную скуку организованного безумия, в котором понять невозможно ни улицы, ни отдельных домов, ни жильцов тех домов [...]

О, ужаснейший, серый и гаснущий город.

И кажется: эти бегущие буржуа среди мороков суетливейшей и бессмысленной жизни заспали свой собственный свет; и вот уличная суета, регулируемая образцовою палочкою зеленого полицейского, перелетанье трамваев, стоянье авто (кто же может на них теперь ездить), кричанье газетчиков “Б е - Ц е т т , М о р г е н п о с т ”, – регулируемая в образцовом порядке текущая бестолочь бреда; и кажется: жизнь, охватившая вас, в ряде месяцев организованно опускается вместе с бурями зданиями, небом над ним, тротуаром, трамваем, – на дно, под глухое гуденье фокстротов, под дикие звуки Д ж а з б а н д а , крикливо летящие из ближайшей кофейной п л я с у л ь н и . [...]

И тут для меня возникают вопросы: неужели же прямые наследники великой немецкой культуры – ее музыки, поэзии, мысли, науки – теперь отложились от нее, одушевляемы не зовами Фихте, Гегеля, Гете, Бетховена, а призывом фокстротта. И неужели зовет человечество вовсе не свет из грядущего, а далекое дикое прошлое в образе и подобии негритянского барабана; и мне, очень долго воспитывавшемуся на традициях культуры Германии, приходилось не раз с недоумением утверждать, что великой культуры как будто и нет в проявлениях жизни предо мной мелькавшего немца и что нам, русским, в данном случае новому слову культуры в Германии невозможно учиться, а остается заимствовать приобретения ее недавнего прошлого: технику и науку.<sup>12</sup>

Резкие критические выпады Белого против “буржуазной” Германии могли показаться в середине 1920-х гг. своего рода “данью” советским идеологическим установкам (тем более что в финале книги “Одна из обитателей царства теней” звучат и “просоветские” нотки: уверенная, устремленная в будущее Москва противостоит гибнущему, “тсневому” Берлину); в действительности же и симпатии, и идейные ориентации писателя были вызваны не столько требованиями государства, сколько остротой и силой его собственных берлинских наблюдений и переживаний. Хорошо запомнивший Западную Европу, какой она предстала ему в 1906-1907 гг.

---

<sup>12</sup> Андрей Белый. “Одна из обитателей царства теней”. Л. 1924, с. 6, 7, 31, 8-9.

и позднее, в 1912-1914 гг., во время его продолжительных поездок по разным странам и городам, Белый теперь сумел довольно точно подметить изменение всего стиля и качества европейской жизни после катастроф и катаклизмов 1914-1919 гг.; в нем росло предчувствие, что воспринятые им со всей остротой пугающие приметы нового Запада чреватые в дальнейшем опасным, гибельным развитием. В своей книге 1924 г. он уже различает вдали “зори пожара обвала Европы”, улавливает “шелест того, что в ближайших шагах выявит себя ревом животного”, и возвещает пришествие “варварского Диониса”, некогда угаданного Ницше:

“В а р в а р с к и й Д и о н и с ” поднимает уже свой топор каннибала из-под разорванного покрова буржуазной Европы; он охватывает не только Париж; он – в Берлине; его присутствие изменяет самую воздушную атмосферу Берлина; я не был в Берлине 7 лет, и за эти семь лет буржуазный Берлин побурел, стал “мулатом”; оползни вершин жизни культуры под действием вулканических сил завалили низины мещанства; и для того, чтобы пробиться к подлинно новым, живым струям жизни, надо спуститься куда-то; пройти сквозь облокочный пласт; и оказаться у самых истоков революционной энергии.

Целый ряд месяцев прожил я в буржуазнейшем квартале Берлина; к весне я почувствовал, что более я не могу выносить этой жизни, беспомощно скатывающейся ко дну, но с такою убийственной медленностью, что было бы благодеянием для жизни Берлина, если бы в один прекрасный день здания вдруг обвалились бы, разрушился бы водопровод, электричество бы погасло и жители поняли бы, наконец, что смерть наступила (революция в этом квартале ведь невозможна). Невозможно жить в атмосфере всеобщего разложения, среди хвостов, растущих, как фараоновы змеи, при меняльных лавках, среди бубнящих звуков фокастрога с аккомпанементом к нему в виде припева: “Der Dollar steht hoch!”<sup>13</sup>

Даже современные писатели, мыслители, композиторы Германии имеют отношение, как видится Белому, не столько к непреходящей культуре, сколько к сиюминутной цивилизации. Белый наблюдает либо деградацию классического наследия (“В основном русле культурных устремлений Германии новое не так уже ново; традиционное же измельчало”), либо торжество варварства под личиной художественного авангарда:

В дадаизме и экспрессионизме отчетливо изживает себя современная умирающая культура буржуазной Германии, в которой экзотика и восток с непосредственной силою выпирают наружу [...] некий символический негр вылезает на поверхность жизни буржуазной Европы в дадаизме столь-

<sup>13</sup> Там же, с. 62-63.



ко же, сколько в фашизме; и в фашизме не более, чем в фокстроте, чем в звуках “джизбанда”.<sup>14</sup>

Фашизм, мимоходом упомянутый здесь в ряду других отталкивающих ликов современной Европы, оказался для Белого предметом специального внимания еще до того, как национал-социалисты в Германии прорвались к вершинам власти. В очерке “О себе как писателе” (1933) Белый сообщает о замысле романа “Германия”, предварительный “конспект” которого был представлен им осенью 1931 г. в Издательство Писателей в Ленинграде.

...Фабула его [т. е. романа] рисовала фашистский заговор и преследования фашистами революционно настроенного интеллигента; с фашистами я никогда не встречался; фабула – смутный лейтмотив, вставший мне из воздуха берлинской жизни в 1922 году; напиши я роман в прошлом году, читатели бы воскликнули: “Это – пародия на Германию, оклеветывающая действительность!” Увы, – ужасные события последних недель<sup>15</sup> показали правду моей фантастики.<sup>16</sup>

То, что десятилетие спустя Белый на какое-то время вновь попытался воскресить “воздух берлинской жизни”, – факт бесспорный. Известно его неопубликованное при жизни стихотворение “Берлин”, написанное в подмосковном Кучине в 1931 г., – отголосок его апокалиптических видений Берлина в 1922-1923 гг.<sup>17</sup> Что же касается романа “Германия”, то сохранился его развернутый авторский план (датированный 1 октября 1931 г.), в котором конспективно изложен сюжет задуманного произведения и передан – в общих чертах – его замысел:

Задание романа “Германия” – дать картину жизни раздавленной после войны Германии и картину растерянности обывателя, прищемленного между молодым революцией и наковальной фашизма. Вдоль терзаемой голодом страны рыскают международные авантюристы, агенты Антанты и всякой марки спекулянты. [...] Такая картина “гибели Германии” встает в сознании немецкого интеллигента, всем прошлым связанного с недавними

<sup>14</sup> Там же, с. 44.

<sup>15</sup> Вероятно, имеется в виду поджог рейхстага 27 февраля 1933 г. и прокатившаяся затем по всей Германии волна нацистских репрессий.

<sup>16</sup> См.: Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. Москва 1988, с. 24 (публикация В. Сажина).

<sup>17</sup> Впервые опубликовано в книге: Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. Вступит. статья и сост. Т. Ю. Хмельницкой. Подгот. текста и примеч. Н. Б. Банк и Н. Г. Захаренко. М.-Л. 1966, с. 485-487.

“славными” традициями немецкой культуры и понимающего, что с ними покончено. Самопротиворечие влечет героя в бездну падения и морального обнищания.

Задача автора показать: “двух” немцев в “третьем” немце; один немец – немец эпохи Гете, поставивший перед Европой проблему культуры; другой – немец эпохи Бисмарка; это – или пангерманист, для которого мир – арена выявления немца и только немца; или капиталист, волящий захвата восточных рынков, экономического завоевания России, и использующий “высокую культуру” Германии начала XIX в. как сладкий дурман для поработанных; или это – ученый, самоуверенный крохобор-педант, измеряющий горизонты науки углом зрения мещанина.

Задача автора показать перерождение этих двух немцев в “немца”, выявленного в третьем немце; сквозь забрало “методолога-пангерманиста”, опущенное на подлинное лицо, выступает гримаса сумасшедшего, ибо корни немецкой буржуазной трезвости гнездились в хаотическом анархизме, принявшем форму таинного психического заболевания; сквозь “идеализм” доброго прошлого выглядывает беспринципный авантюризм, и в безумиях слияющийся инстинктивно осуществить линию международных хищников; вскрыть борьбу этих двух немцев-декадентов в самосознании героя романа на фоне пестрого, самопротиворечивого быта послереволюционной Германии, в которой уже утоплен быт, в которой и авантюра – фантастика, и фантастика – лишь хищная авантюра действительности, – вскрыть этого “немца” – вторая задача автора.

Здесь автор сплетает в фабуле психологическую тему и с социальной, и с авантюрной. Задуманный роман автору рисуется одновременно и картиной социальной жизни, и сплетением приключений, и драмой сознания, уже не опирающегося на волю своего класса и вынужденного стать орудием международных авантюристов.<sup>18</sup>

Судя по этому предварительному “плану”, Белый намеревался передать в своем произведении панораму бытовой и социально-политической жизни послеверсальской Германии сквозь призму мятущегося сознания главного героя, писателя Эраста, затянутого в борьбу противоположных политических группировок. Намеченный писателем “авантюрный сюжет” обнаруживает определенные аналогии с фабульными схемами его предыдущих романов (“Серебряный голубь”, “Петербург”, “Москва”, “Маски”) и в целом соответствует архетипическому повествовательному коду Белого: пленение героя гибельными деструктивными силами, мотивы провокации, деятельность тайных организаций и т. п. Однако на этот раз почти

<sup>18</sup> Гречишкин С. С., Лавров А. В. Неосуществленный замысел Андрея Белого (План романа “Германия”) // Русская литература 1974. № 1, с. 199.

невероятные сюжетные перипетии оказались вплотную приближенными – ходом реальных событий – к конкретной исторической действительности.

Конечно, намерение Белого создать в начале 1930-х гг. антифашистский роман, обращенный одновременно и к “классической”, и к современной Германии, актуализировалось, в значительной мере, общей ситуацией того времени. Однако приступить к непосредственной работе над этим произведением Белому так и не пришлось; помешала, в первую очередь, необходимость довести до конца уже начатые большие книги – исследование “Мастерство Гоголя” и третий том воспоминаний “Между двух революций”, что увидели свет уже после смерти писателя, наступившей 8 января 1934 г.

